

Так, Роджер Бэкон в XIII веке писал о герметическом искусстве: «Алхимия есть наука о том, как приготовить некий состав, или эликсир, который, если его прибавить к металлам неблагородным, превратит их в совершенные металлы... Это наука о том, как возникли вещи из элементов, и обо всех неодушевленных вещах...» В том же веке Альберт Великий писал: «Алхимия есть искусство, придуманное алхимиками... С ее помощью металлы, включенные в минералы и пораженные порчей, возрождаются - несовершенные становятся совершенными». Анонимный алхимик XV века, связывая совершенствование металлов с врачеванием человеческого тела, определил алхимию как «искусство, не имеющее себе подобного и поучающее, как доводить несовершенные камни до истинного совершенства, больное тело человека - до благодатного здоровья, а металлы обращать в истинное Солнце и истинную Луну» (то есть в золото и серебро). Резким диссонансом этому звучит мнение историка Иоганна Тритемия, на рубеже XV и XVI веков написавшего: «Алхимия - это целомудренная блудница, никогда ничьим объятиям не отдающаяся, а те, кто домогался ее, уходили ни с чем. Теряли и то, что имели. Глупец становился безумцем, богач - бедняком, философ - болтуном, пристойный человек напрочь терял всякое приличие. Она обещает домогающимся богатство Креза, но в результате - полная нищета, всеобщий позор, всенародное осмеяние».[3] Парадоксальное словосочетание «целомудренная блудница» как нельзя лучше передает противоречивый характер алхимии: занятие, не совместимое с христианской добродетелью, но вместе с тем и не дающееся в руки любому и каждому; занятие отнюдь не безобидное, сопряженное с потерей чести и нищетой.

На протяжении всего времени, пока существовала (и, как говорят, продолжает существовать) алхимия, не было такой профессии - алхимик. Это слово в массовом сознании заключало в себе презрительно-уничижительный смысл и прилагалось к тем, кто окончательно свихнулся на поисках алхимического золота.